

показать в выгодном для себя свете соотношение его собственных заслуг в области русской версификации и заслуг Ломоносова. Это было как раз в те годы, когда торжество ломоносовской системы версификации оказало влияние на суждения самого Третьяковского о народном стихе.

В сопоставлении со всеми этими противоречиями Третьяковского еще ярче ощущаются ясность и реалистичность, смелость и широта мысли, сказавшиеся в постановке проблемы русского стихосложения Ломоносовым. Для него признание черт соответствия в русской и немецкой версификации, как в силлабо-тонических системах, ни в какой мере не противоречило глубокому пониманию самобытности русского стихосложения, возникшего как «собственное и природное...» и обязанного своими свойствами «природному... свойству» русской речи.

Единственной работой, в которой Третьяковский иллюстрировал свою теорию строения народного стиха, является «Мнение о начале поэзии и стихов вообще».

Здесь он «в показание примера» расчленяет на стопы отрывки из народных песен:

«Хорей:

Отста	вала	лебедь	бела	я
Как от	ста́да	лебе	дино	ва

Хорей с дактилем:

У ко	лодезя	у сту	денова
Доброй	молодець	сам ко	ня поил
Красна	девица	воду	черпала

Дактиль:

Ярка не	ярка ба	ран не ба	ран
Стара О	вечка не	ярина	чка

Иамб:

Далé	че ох	далé	че во	чистом	поле
Не трав	ка не	мурав	ка за́	шата	ласа

Иамб с анапестом:

Не шуми	ма́ті	зеле́	на дубро	ва
Не мешай	цвести	лазо	реву цвё	ту